

СВЕТЛАНА ХУТКАЯ,

старший преподаватель кафедры социологии НаУКМА, аспирантка кафедры социологии НаУКМА

Социальная адаптированность личности: концептуализация понятия

Abstract

The article presents an analytical review of major theoretical and methodological approaches interpreting social adaptation and social adaptedness, such as structural-functional, psychoanalytical, interactionistic, as well as their heuristic potential. Comparative analysis made it possible to explicate congruent aspects of these approaches and – taking into account the homeoerthetic aspect of social activity – to suggest an alternative conceptualization of the personality's social adaptedness.

Анализ особенностей личностной социальной адаптации человека в условиях длительных общественных трансформаций является уникальной исследовательской ситуацией, позволяющей расширить понимание процессов общественной жизни как самоорганизующейся системы.

Парадигмально разные концепции каждая по-своему интерпретируют феномен личностной социальной адаптации и ее результаты. Целью данной статьи является сопоставление теоретических подходов к пониманию социальной адаптированности, направленное на реконструирование “интеллектуальной истории” указанного понятия и прояснение логической созвучности спектров его понимания с целью дать адекватное концептуальное определение, позволяющее очертить множество предельных условий его применения и способное обеспечить достаточное поле “позитивной эвристики” [см.: 1, с. 79–85].

Понятие адаптации имеет статус общенаучной категории такого рода, какие возникают на стыке наук и, будучи затем экстраполированы на многочисленные сферы различных дисциплин, способствуют интеграции соответствующих знаний в целостные теоретические конструкции. В обобщенном виде, в зависимости от того, какой уровень организации материи, какой

аспект реальности является предметом рассмотрения, можно говорить об адаптации социальной, социобиологической, биологической, физической, психологической, химической, психофизиологической и т.п. Тема социальной адаптации личности изучалась параллельно в культурной и социальной антропологии, культурологии, социологии, психологии личности и социальной психологии в связи с вопросами включения человека в новые или меняющиеся условия жизни, взаимодействия человека и окружающей среды, эволюции человека и общества, человеческой жизни в целом и т.д. Перефразируя слова Ж.Деррида, концепт адаптации и даже само слово, его обозначающее, достигли возраста укоренившейся в повседневном языке естественно-гуманитарной эпистемы [2, с. 563], что в определенной мере усложняет собственно социологическую интерпретацию данного понятия.

Одним из первых и, пожалуй, наиболее влиятельных социологических подходов к объяснению социальной адаптации — в контексте рассмотрения эволюции общества и общественной кооперации — является концепция Г.Спенсера: оценка способности поддерживать равновесие своих жизненных функций и (или) “шансов иметь потомков” как “закона выживания наиболее приспособленного и наиболее одаренного” служила основой закона прогрессивного эволюционного развития общества. Жизнь каждого организма (в том числе и социального), по Спенсеру, предстает, с одной стороны, как непрерывное, продолжающееся в течение всего периода существования *взаимное приспособление* внутренних сил организма и внешних условий, влияющих на него, как способность взаимодействовать со средой в зависимости от обстоятельств, чтобы удовлетворить свои функциональные потребности, которые и приводят в движение механизмы адаптации [3]. С другой стороны, он уточняет, что приспособление имеет место, когда происходят какие-либо изменения в привычных обстоятельствах, и продолжается до тех пор, пока новые условия не станут привычными для организма. Так, психика человека, возникающая на определенном этапе эволюции как средство адекватного отражения действительности, является общим механизмом адаптации человека к условиям окружающей среды, а многообразие форм психики и психических процессов воплощается в конкретных формах адаптации к этой среде. В данном случае результатом процесса социальной адаптации людей — социальной адаптированностью — выступает определенная степень удовлетворения функциональных потребностей индивидов.

Идеи Г. Спенсера существенно повлияли на видение социальной адаптации в рамках классического структурно-функционального подхода (А. Р. Рэдклифф-Браун, К. Клакхон, Б. Малиновский, Т. Парсонс, Р. Мертон). К примеру, Рэдклифф-Браун толкует социальную адаптацию как способ приспособления поведения отдельных организмов к нуждам процесса обеспечения поддержания социальной жизни. Он различает внешнюю (приспособление организма к среде) и внутреннюю (процессы поддержания жизни в организме) адаптацию, а также выделяет понятие экологической адаптации для обозначения процессов приспособления социальной жизни к биологической среде. Отмечая, подобно Спенсеру, принципиальную роль кооперации для поддержания социальной жизни, Рэдклифф-Браун развивает собственное толкование, базирующееся на определении адаптированности человека на основе оценки его вклада в функционирование сообщества в целом, в совместную социальную жизнь. Шагом вперед, по сравнению со Спенсером,

является то, что Рэдклифф-Браун обращает особое внимание на роль символов в процессах взаимной адаптации членов человеческого общества (в отличие от животных сообществ, где определяющими для взаимной адаптации выступают инстинкты) [4, с. 16, 176, 210–212].

Проблематика адаптации человека к новым условиям жизни в контексте изменения его ценностей была предметом изучения представителей Чикагской социологической школы — В.Томаса и Ф.Знанецкого — в классическом исследовании “Польский крестьянин в Европе и Америке”, теоретико-методологическую ценность которого для контекста радикальных общественных изменений нельзя недооценивать. Изучая способы приспособления индивидов к новой социальной среде, исследователи выделили три идеальных (в Веберовом понимании) типа адаптации человека к новым условиям социальной организации: 1) “*филистер/мещанин*” — тип, не способный адаптироваться, нацеленный на сохранение стабильности, привычного образа жизни и системы ориентиров, а в силу этого он не формирует самостоятельных установок и ориентаций и является пассивным конформным реципиентом предлагаемых социальной средой правил, поэтому “каждое серьезное и неожиданное изменение в условиях жизни... имеет следствием дезорганизацию его деятельности”; 2) “*представитель богемы*” — тип, направленный на спонтанное приспособление с использованием любых возможностей изменения неблагоприятной ситуации, в результате чего он может относительно гибко приспосабливаться, его “возможности развития еще не завершились исключительно потому, что характер его остается не сформированным (аморфным)”; 3) “*творческий человек*” — тип, способный адаптироваться, нацеленный на изменение, переструктурирование обстоятельств в благоприятную для себя сторону (без нигилизма в отношении общественных требований), таким образом, его качества “сообразуются с логикой действий, выходящей за рамки, данные человеку традицией, если человек строит свою жизнь, опираясь не на предположение о неизменности сферы тех социальных ценностей, которые он признает, а на стремлении изменить и расширить эту сферу в соответствии с определенной целью” [5, т. 2, с. 1853–1855]. Социальную адаптацию эти авторы рассматривают как процессы, обеспечивающие интеграцию индивидов в стабильное сообщество на основе взаимодействия индивидуальных ценностно-нормативных систем и воплощенных в форме социальных институтов ценностно-нормативных систем [5, т. 1, с. 31, 44]. В определении содержания социальной адаптации мнение исследователей остается в русле функционалистских идей, но с важными дополнениями: 1) исследование показало роль субъективных ценностно-нормативных систем в процессах приспособления к изменениям; 2) социальная адаптация рассматривается с точки зрения функциональности для конкретного индивида, а не социума; 3) продемонстрировано, что в ситуации столкновения с радикально новыми социальными условиями происходит не только реактивное приспособление индивидуальных ценностно-нормативных систем к существующим институциональным системам ценностей как одному из измерений социальной среды, но и изменение этой социальной среды в соответствии с индивидуальными системами норм и ценностей (вследствие проактивного поведения). По замечанию Л.Козера, результаты исследования “Польский крестьянин в Европе и Америке” ощути-мо повлияли на дальнейшие исследования процессов адаптации личности к

социальным изменениям и, в частности, на типологию форм социальной адаптации Р.Мертон и концепцию социального характера Д.Рисмена.

В рамках необихевиористского подхода (Г.Айзенк и его последователи) *социальную адаптацию* определяют: 1) как процесс или результат процесса физических, социально-экономических или организационных изменений в специфически-групповом поведении, социальных отношениях или культуре, функциональным назначением которого является улучшение способности к выживанию или достижению значимых целей групп и индивидов; 2) как процесс достижения индивидом или группой равновесия/гармонии (выражающейся как отсутствие конфликта) с социальной средой, когда полностью удовлетворяются и потребности индивида, и требования среды. Указанное состояние может принимать форму изменения как в среде, так и внутри организма в результате реактивных действий в соответствии со сложившимися обстоятельствами [6, т. 1, с. 25]. Такое определение в какой-то мере подобно некоторым идеям структурного функционализма, касающимся предназначения адаптации как способа удовлетворения потребностей.

Представители интеракционистского подхода (Л.Филипс, Т.Шибутани) рассматривают адаптацию как единство процессов преобразования среды “под себя” и себя “под среду” и, в отличие от необихевиористов, использующих преимущественно понятие *приспособления* (*adjustment*), оперируют несколькими концептами [см.: 7]. Так, Т.Шибутани дифференцирует ситуативную и общую адаптацию к ситуации (то есть адаптацию к некоторой конкретной ситуации и адаптации к некоей совокупности обстоятельств) и именно понятие *адаптации* (*adaptation*) использует для определения постепенно вырабатываемого (на основе ситуативных адаптаций) личностью относительно устойчивого набора способов преодоления типичных осложнений, а понятие *приспособления* (*adjustment*) — для определения “приспособления организма к требованиям специфических ситуаций” [8, с. 78]. Л.Филипс, в свою очередь, применяет понятие адаптированности к двум типам реакции на влияния среды: 1) принятие и эффективная реакция индивида на половозрастные социальные ожидания, с которыми он сталкивается; 2) гибкость и эффективность реакции в случае столкновения с новыми и потенциально опасными условиями, а также способность направлять события в желательном направлении. В связи со вторым типом реакции Филипс вводит понятие *эффективной личностной адаптации* (синонимически употребляемое им параллельно с понятием адаптации) для определения успешного использования имеющихся условий для реализации своих целей, стремлений и ценностей, но далее снова говорит об *адаптированности*, характеризуя адаптивное поведение как успешное принятие решений, инициативность и четкое видение человеком своего будущего. Таким образом, понятия адаптации и адаптированности в данном подходе четко различить проблематично. Однако подобное понимание эвристически ценно: в отличие от приведенных выше толкований социальной адаптации, интеракционистская версия обращает внимание на такой аспект взаимодействия субъекта адаптации и социальной среды, как действующие на уровне межличностного взаимодействия экспектации. Это понимание шире предлагаемого необихевиористским подходом, поскольку включает в понятие адаптации фактически все виды социальной активности. Кроме того, представители интеракционизма выделяют совокупность следующих проявлений эф-

фективной адаптированности в качестве результата процесса эффективной личностной адаптации: 1) адаптированность в плоскости социально-экономической активности и приобретения компетентности, знаний, умений, навыков; 2) адаптированность в плоскости межличностных отношений как приобретение социальной компетентности, выражающееся в способности адекватно отображать изменения в отношениях и реагировать на них.

Психоаналитический (психодинамический) подход к социальной адаптации личности, опирающийся на идеи З.Фрейда и А.Фрейд, считается одним из наиболее разработанных¹ и оперирует весьма разветвленной концептуальной системой описания процессов приспособления человека к социальной среде. Именно психоаналитический подход в комплексе с идеями У.Томаса, а также теорией биологической эволюции в версии А.Эмерсона оказал, пожалуй, наибольшее влияние на идеи Т.Парсонса о социальной адаптации личности. В рамках данной парадигмы различают три типа *социальной адаптации* как процесса установления/восстановления при помощи защитных реакций нарушенного в результате конфликта гомеостатического равновесия личности и внешней среды: 1) аллопластическая — осуществление человеком изменений внешней среды для приведения ее в соответствие со своими потребностями; 2) аутопластическая — процессы внутренних изменений личности (ее знаний, умений, навыков, структуры и т.п.) с целью приспособления к среде; 3) поиск индивидом благоприятной для функционирования организма среды. Терминологически выделяемая социальная адаптированность как результат данного процесса рассматривается в качестве психологического равновесия, эффективности, способности получать удовлетворение от жизни и определяется характером эмоционального самочувствия. Таким образом, психоаналитическая концепция включает в адаптацию не только приспособление человека к среде, но и приспособление человеком среды к себе, что результируется в установлении отношения адаптированности [10, с. 10–32]. Впрочем, можно возразить, что в рамках данного подхода (и в соответствии с подходом А.Рэдклиффа-Брауна) имеет место включение в социальную адаптацию гносеологически не различаемых процессов психического, биологического (экологического) и собственно личностного функционирования человека.

Дальнейшим развитием психоаналитической парадигмы стала концепция Г. Гартманна. Социальную адаптацию личности он рассматривает как развитие “Я” индивида, продолжающееся на протяжении всей жизни и связанное с действием защитных процессов как в условиях преодоления конфликтов, так и в случае неконфликтного развития личности. Сущность процесса социальной адаптации – основным регулятором которой выступает “Я” – этот автор усматривает в приспособлении человека к социальной среде, являющейся продуктом активности как непосредственно индивида, так и предшествующих поколений. Кроме того, он вводит концепт “*преформированные средства адаптации*” для обозначения тех особенностей/способностей, которые могут оказаться важными для будущей адаптации индивида, и указывает такие ограничительные рамки социальной адаптации, как

¹ Е.Злобина и В.Тихонович идентифицируют данный подход как классическую теорию адаптации [см. : 9, с. 15].

общественная структура, разделение труда, социальная позиция и развитие “Я”. Таким образом, к социальной адаптации человека как многоуровневому процессу отнесены и процессы созидания человеком условий среды своей жизнедеятельности, которые, в свою очередь, становятся объектом адаптации человека, наряду с имеющимися условиями жизни. Можно сделать вывод, что в общем случае в психоаналитической концепции Гартмана речь идет о социальной адаптации человека; специальной дифференциации ее с социальной адаптацией личности и специального рассмотрения социальной адаптации собственно личности он не проводит, хотя и высказывает предположение о том, что системой регуляции социальной адаптации человека служит *Я-концепция* [10, с. 10–32].

Т. Парсонс развивает тему социальной адаптации в рамках общей теории социального действия. Он рассматривает социальную адаптацию как процесс, способствующий включению личности в общественную жизнь, как процесс приспособления индивида к среде путем интериоризации нормативных символических структур культуральной подсистемы, что влечет за собой формирование дифференцированных социальных ролей. Соответственно, роли также выполняют адаптивную функцию, определяя позицию индивидов в поле взаимопроникновения социальной системы и личности индивида [11, с. 97; 12, с. 235–238]. При этом системой, осуществляющей социальную адаптацию личности, выступает *поведенческий организм* как совокупность основных возможностей человека и субстрат энергетических, информационных и вещественных взаимодействий индивида со средой, в первую очередь физической. Хотя сложная структура иерархически организованных систем и подсистем социального действия в концепции Парсонса не всегда позволяет провести четкие различия между социальной адаптацией общества и социальной адаптацией личности, можно сделать вывод, что процесс собственно личностной адаптации он рассматривает как рецепцию “общественно заданных” ценностно-нормативных ориентиров, которые, согласно имплицитному допущению, являются общепринятыми для всех членов общества стандартами, что практически исключает относительность аксиологических систем, присущих разным сообществам конкретного общества.

По сравнению с другими представителями структурно-функциональной парадигмы, Парсонс, пожалуй, наиболее четко артикулировал место символических форм в процессах социальной адаптации, уделяя особое внимание роли комплексов символических значений кодов как центральных элементов культуральной подсистемы сохранения и воспроизводства образца. Таким образом, процесс адаптации выступает здесь как сохранение стабильности, гомеостазиса социальной и личностной систем в пределах общей системы социального действия. Результатом социальной адаптации, соответственно, является усвоение индивидом некоторого набора социальных ролей, и социальная адаптированность личности заключается в обеспечении личных потребностей или удовлетворенности личности в результате реализации основных возможностей человека.

Социальную адаптацию в качестве направляемого ценностно-нормативными комплексами общественной системы установления баланса между требованиями и санкциями социальной среды, с одной стороны, и активностью социального актора — с другой, рассматривает Р. Мертон. Он выде-

ляет несколько модальностей социальной адаптации — *конформизм, инновативность, ритуализм, отступничество, восстание* (см. табл.), выделяемые на основе критерия принятия или неприятия культурально одобряемых целей и средств деятельности; и при этом социальную адаптированность он интерпретирует как определенную степень согласованности устремлений социального актора с условиями социальной среды [13, с. 162].

Таблица

Классификация форм адаптации (по Р.Мертону)

Модальности адаптации	Принятие культурально одобряемых целей	Принятие культурально одобряемых средств
Конформизм (conformist)	+	+
Инновативность (innovator)	+	–
Ритуализм (ritualist)	–	+
Отступничество (retreatist)	–	–
Восстание (rebel)	Создание новых целей	Создание новых средств

Гуманистический (А.Маслоу) и феноменологический психологический (К.Роджерс) подходы рассматривают процесс социальной адаптации как последовательность прохождения состояний конфликта, фрустрации и приспособления личностных ценностей к общественным, что может иметь результатом либо конструктивную, либо неконструктивную модальность адаптации. Соответственно, адаптированность как результат адаптации интерпретируется как *степень интеграции* (сбалансированности) личности и среды в сочетании с определенным эмоциональным самочувствием. Здесь влияние личности на среду с целью ее изменения не включено в понятие адаптации, в отличие от, скажем, интеракционистского, необихевиористского или психоаналитического подходов. Особенно подчеркивается роль *Я-концепции* в регулировании социальной адаптации (К.Роджерс), под целью и результатом которой понимается удовлетворение потребностей личности, которая функционирует в рамках определенных социальных “требований”, то есть речь идет об *адаптированности личности в социальной среде*.

В генетической синтетической психологии Ж.Пиаже одним из ведущих является производный от биологии *принцип развития сложных систем*, который и понимается как адаптация, то есть “как равновесие между ассимиляцией и аккомодацией или, что, по сути, одно и то же, как равновесие во взаимодействиях субъекта и объекта” [14, с. 61]. Пиаже исходит из тезиса, согласно которому человек от рождения погружен в социальную среду, и общество “не просто влияет на индивида, но и непрерывно трансформирует его структуру”, но вместе с тем он отмечает, что “любая связь живого существа со средой замечательна той особенностью, что это существо, вместо пассивного подчинения среде, само активно ее преобразовывает, накладывая на нее свою некоторую структуру” [14, с. 210, 63]. Соответственно, процесс социальной адаптации предстает как единство процессов *аккомодации* (усвоения правил среды, “уподобления” ей) и *ассимиляции* (преобразования, “уподобления” себе среды), то есть как двусторонний процесс и резуль-

тат встречной активности субъекта и социальной среды. Ж.Пиаже считает, — опираясь при этом на понимание адаптации в биологических науках, — что функционирование и развитие психики (прежде всего интеллекта) служит средством адаптации как уравнивание двух процессов: 1) обусловленной активностью субъекта трансформации объекта в соответствии с когнитивными схемами данного субъекта (ассимиляции); 2) уподобления когнитивных схем характеристикам объекта (аккомодации).

Онтогенетический деятельностный подход (А.Налчаджян) понимает *социально-психологическую адаптацию* как любые процессы преодоления проблемных ситуаций. Соответственно, адаптированность он ассоциирует с взаимоотношениями личности и группы, при которых “личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социогенные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые выдвигает к ней эталонная группа, переживает состояние самоутверждения и свободного выражения своих творческих способностей” [15, с. 18].

Одним из наиболее интересных подходов к рассмотрению социальной адаптации и адаптированности личности является психоаналитическая социология Э.Фромма. Анализируя с позиций эволюционизма сущность человека, он одним из первых критериев отличия человека от других животных называет “недостаточность инстинктивной регуляции в процессах адаптации к окружающему миру”. “Животное адаптируется к изменяемым условиям путем изменения себя самого — автопластично, а не путем изменения окружающей среды — аллопластично, — пишет Фромм в книге “Человек для самого себя”. Таким образом, он живет в полной гармонии с природой... в том смысле, что присущие ему свойства делают его стабильной и неизменной частью своего мира” [цит. по: 16, с. 401–402]. В контексте объяснения понятия адаптации, указав на то, что человеческая природа является продуктом исторической эволюции, Фромм разграничивает понятия (1) статической и (2) динамической адаптации личности к внешним условиям, соответственно: 1) как “приспособления, при котором характер человека остается неизменным и постоянным и проявляются лишь некоторые новые привычки”, а личность в целом остается неизменной; 2) как приспособления, при котором под давлением обстоятельств происходят “изменения личности, изменения характера, проявляются новые стремления, новые тревоги” [17, с. 30–32]. В качестве внешних условий, к которым приспособляется индивид, Фромм рассматривает социальную структуру, образ жизни, который “укоренен в систему производства и распределения, присущую каждому данному обществу”. Все человеческие потребности и стремления он понимает как результат социальной практики и пишет: “В процессе жизни человек на разных уровнях вступает в разные взаимодействия с миром: 1) путем овладения вещами и их ассимиляции; 2) путем отношений с людьми и с самим собой. Первый упомянутый уровень я называю процессом ассимиляции, упомянутый последним уровень — процессом социализации” [17, с. 441–446]. Динамическая адаптация и выступает как развитие индивида в процессе приспособления к имеющемуся образу жизни в конкретном обществе, регулируемое важным механизмом приспособления — характером человека (как “человеческим субститутом инстинктивного аппарата животного”). Собственно это составляет основу личности и “соци-

ального характера” как некоторой типичной, базовой личности определенного общества и является результатом динамической адаптации, то есть проявлением адаптированности. Дальнейшее развитие эта концепция социального характера и некоторой “базовой” для определенного общества личности как наиболее общих стратегий социальной адаптации получила в концепциях Д. Рисмена и А. Инкельса. Однако целесообразно заметить, что поиск определенной “базовой” личности или социального характера, очевидно, опирается на имплицитное допущение о существовании некоей совокупности инвариантных черт человеческого поведения в приспособлении к среде функционирования и не учитывает принципиальной относительности результатов адаптации личности, принимая во внимание квазистационарность общественного бытия.

Сопоставление рассмотренных концепций дает основания утверждать, что социальная адаптация личности выступает как аспект определенного взаимодействия между человеком (субъектом социальной активности) как определенной разноуровневой системой и его средой (или частью этой среды) и проявляется в случаях изменений взаимоотношений этого человека с социальной средой его функционирования. Социальная среда как пространство общественного производства и воспроизводства жизни, в свою очередь, является разноуровневой системой, состоящей из совокупности людей, средств обеспечения жизни и связей между ними. Можно брать за основу различные подходы к рассмотрению общества, но суть остается практически неизменной: в качестве социальной среды рассматривается все пространство существования человека в обществе.

Идея гомеостазиса, в той или иной формулировке, явно или имплицитно является объединяющей, общей чертой значительной части рассмотренных комплексных подходов к пониманию социальной адаптации личности: процесс адаптации выступает средством обеспечения гомеостазиса субъекта социальной активности и условием адекватного удовлетворения его функциональных потребностей. Речь идет о гомеостазисе как поддержании некоторой данной системой своих параметров и функций в определенном диапазоне, обусловленном необходимостью поддерживать относительно постоянной внутреннюю среду системы в условиях возмущающих действий внешней среды. Наиболее четко эта идея изложена в рамках интеракционистского (Л.Филипс, Т.Шибутани), психоаналитического (З.Фрейд, А.Фрейд) и структурно-функционального (Т.Парсонс, Р.Мертон) подходов и вообще весьма распространена в современных исследованиях социальной адаптации в постсоветском пространстве. Вместе с тем именно этот аспект неявно содержит момент противоречия: акцентирование гомеостазиса как функционального назначения социальной адаптации человека и личности неполно и несогласованно соотносится с изложенными (в указанных подходах, а также в гуманистических и онтологической деятельностной концепциях и в подходе В.Томаса и Ф.Знанецкого) представлениями о сущности человеческой активности, когда исходят из того, что процесс социальной адаптации включает и реактивное, рецептивное, и проактивное поведение.

Объяснение активности социальных систем, социальной деятельности человека не исчерпывается гомеостатическим измерением. Это убедительно показано уже в трудах Л. фон Бергаланфи, а позже — в синергетике, работах М.Моисеева, В.Франкла, К.Гольдштейна, Г.Оллпорта и Ш.Блер [18,

с. 36–39; 19, с. 13–62; 20, с. 54–55]. Функционирование определенного субъекта социальной активности может охватывать не только процессы сохранения стабильности (гомеостаза), но и нарушения стабильности (гомеорезиса) как творческой самореализации¹, раскрывающей возможности наиболее полного использования потенциала изменчивости, что делает возможным адекватное (в частности проактивное, с учетом “модели будущего” [22, с. 143]) взаимодействие субъекта социальной активности со средой своего функционирования. Когда жизнь предстает не только как уравнивание с окружающей средой, но и как преодоление этой среды, направленное на реализацию определенной программы деятельности.

Снять очерченный выше момент противоречия в определении содержания социальной адаптации в рамках разных концептуальных подходов можно, по мнению автора, если считать гомеостазис и гомеорезис диалектическими проявлениями процесса социальной адаптации личности как активности, направленной на достижение значимых целей и опосредуемой многоуровневым комплексом соответствующих негативных и позитивных обратных связей.

Взаимодействие ценностно-нормативных систем человека и общества составляет важную часть процесса социальной адаптации личности. Это особенно подчеркивается в качестве специфики собственно социальной адаптации личности в структурно-функционалистских, интеракционистском и гуманистическом подходах, а также в психоаналитической социологии Э.Фромма. Данный момент тем более важен, что в условиях общественных трансформаций происходит не только и не столько реактивное приспособление индивидуальных ценностно-нормативных систем к имеющимся институциональным системам ценностей, сколько изменение этой социальной среды в соответствии с индивидуальными системами норм и ценностей. Сложно организованный знаковый механизм культуры обеспечивает существование общей негенетической памяти, воплощающейся в прижизненных программах поведения и направленной на самовоспроизводство общества как системы. Тип культуры как исторически сформированный способ создания и кодирования знаковых средств существования, очевидно, влияет на программы поведения личности: люди, наряду с генетически (в ДНК) заложенной программой активности, благодаря наличию сознания пользуются второй программой, которая определяет их развитие в каждом последующем поколении и которую называют “программой социальной преемственности”, то есть информацией, воплощенной в знаковых средствах существования.

Заметим также, что, анализируя социальную адаптированность личности, ее (личность) рассматривают как систему внутренней регуляции социальной активности человека, формирующуюся в социальном взаимодействии и определяющуюся как система психологических механизмов челове-

¹ Понятие гомеорезиса обозначает поддержание продолжительного во времени процесса изменений живых систем, а в более широком понимании — любые процессы спонтанного, внутренне детерминированного, непрерывного движения форм в мире живого. Концепт гомеорезиса ввел в оборот в 1957 году К.Уолдингтон, симметрично дополнив этим понятием концепцию гомеостаза как поддержания стабильности некоторых параметров или процессов живой системы [21, с. 120–129].

ческой социальной субъектности. Двумя наиболее общими функциональными подсистемами личности при таком подходе являются направленность личности (система ее диспозиций) и потенциал личности (задатки, знания, умения и навыки человека) [23, с. 25–30; 24, с. 373–374]. В контексте изложенных положений будет релевантно в обобщенном виде определить социальную адаптацию личности как процесс реагирования человека на изменения в социальной среде, направленный на сохранение целостности личности и способности ее к самовоспроизводству.

Проанализированные концептуальные подходы весьма своеобразны, однако есть один общий для всех момент: в качестве функциональной направленности социальной адаптации рассматривается улучшение или оптимизация (в смысле повышения эффективности деятельности) способности в тех или иных условиях среды достигать значимых целей, порожденных потребностями и их осмыслением (различной степени осознанности). Как известно, именно потребности служат источником формирования мотивов активности человека, одним из важных моментов которой является целеполагание. Очевидно, любую жизненную ситуацию человека можно рассматривать как процесс удовлетворения определенных потребностей или создания условий для их удовлетворения; этот процесс тем или иным образом является реагированием личности на социальную ситуацию, то есть на те изменения в социальной среде, которые уже произошли или происходят. Такое реагирование, в первом приближении, можно определить по меньшей мере как два диалектически взаимосвязанных класса процессов: 1) самоизменение в соответствии с изменениями в социальной среде; 2) изменение данных конкретных условий социальной среды в соответствии с самоизменениями, обусловленными потребностями.

Итак, под социальной адаптированностью личности как определенным качеством следует понимать тот текущий результат процесса социальной адаптации, который можно охарактеризовать как способность человека удовлетворять свои потребности на приемлемом для себя уровне в определенной ситуации в конкретной социальной среде.

В этом аспекте, как можно подытожить, социальная адаптированность определяется тем, в какой мере человек приобрел те или иные личностные качества, которые, в имеющихся условиях деятельности, обеспечивают возможность удовлетворения его потребностей на приемлемом для него уровне. Соответственно, уровень адаптированности личности определяется как тот уровень удовлетворенности потребностей человека, который обеспечивается состоянием развития потенциала и направленности личности, а также овладением условиями жизни, достигнутыми человеком в процессе социальной адаптации на текущий момент.

Литература

1. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. — М., 2003.
2. *Деррида Ж.* Структура, знак і гра в дискурсі наук про людину // Письмо та відмінність. — К., 2004. — С. 563–568.
3. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. Т. 1–3. — www.i-u.ru/biblio/archive/spenser_opyty.

4. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции. — М., 2001.
5. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America: Vol. 1; 2 (цит. по: Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. — М., 2006).
6. Encyclopedia of Psychology / H.J.Eysenck, W.Arnold, R.Meili (eds.). — N.Y., 1972.
7. Philips L. Human Adaptation and His Failures. — N.Y.; L., 1968.
8. Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969.
9. Злобина О., Тихонович В. Особистість сьогодні: адаптація до суспільної нестабільності. — К., 1996.
10. Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation. — N.Y., 1958.
11. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. Тексты. — М., 1994. — С. 97–102.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. — М., 1998.
13. Merton R. Social Theory and Social Structure // Bassis M.S. Sociology: an Introduction. — L., 2001. — P. 162–171.
14. Пиже Ж. Избранные психологические труды: Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. — М., 1969.
15. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). — Ереван, 1988.
16. Добренко В.И. Психоаналитическая социология Эриха Фромма. — М., 2006.
17. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. — Минск, 1998.
18. Берталанди Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. — М., 1969. — С. 36–39.
19. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. Сер. “Академические чтения”. — М., 1987.
20. Франкл В. Самоотрансценденция как феномен человека // Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 54–55.
21. Хмельев А.М. Оппозиция “гомеостаз-гомеорез” и проблема творчества // Проблемы философии. — К., 1978. — Вып. 44. — С.120–129.
22. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. — М., 1966.
23. Хмелько В. Социальная направленность личности. Некоторые вопросы теории и методики социологических исследований. — К., 1988.
24. Хмелько В. Особистість // Соціологія: короткий енциклопедичний словник / За ред. В.І.Воловича. — К., 1998. — С. 373–374.